

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-34-44>

Научная статья / Research article

Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Петр Константинович Дашковский , Елена Александровна Шершнева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

 dashkovskiy@fpn.asu.ru

Аннотация: В статье рассматривается положение мусульманских общин Сибири в контексте политики аккультурации, проводимой Российской империей. Работа подготовлена на основе анализа нормативно-правовых документов. На основе анализа исторических источников установлено, что проводимые в российском государстве во второй половине XIX – начале XX в. реформы были направлены на включение мусульманского населения страны в социокультурное пространство империи. Попытки постепенного внедрения русской культуры и уклада жизни в инородческой среде должны были способствовать процессу взаимодействия мусульманского населения Сибири с русскими переселенцами. Система образования стала одним из инструментов проведения политики аккультурации в отношении мусульманских народов Сибири. Попытки внедрения русской культуры были предприняты также и через реорганизацию хозяйственного уклада мусульманских общин. Авторы приходят к выводу, что проводимые властями реформы вызывали волну недовольства со стороны мусульманского населения. Русская православная церковь также не смогла решить вопрос о смене мусульманами идентичности. Все предпринимаемые меры по оказанию поддержки новокрещенным не способствовали массовому переходу в православие.

Ключевые слова: ислам, ориентализм, инородцы, система Н.И. Ильменского, конфессиональная школа

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-59-44004) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

Для цитирования: Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 34–44. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-34-44>

Acculturation Policies Targeting Siberia’s Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries

Petr K. Dashkovskiy , Elena A. Shershneva

Altai State University, Barnaul, Russia

 dashkovskiy@fpn.asu.ru

Abstract: The article examines the situation of Muslim communities in Siberia in the context of the acculturation policy pursued by the Russian Empire. Based on the analysis of archival sources, the article argues that the reforms carried out in the late 19th and early 20th centuries were aimed at including the Muslim population of the country into the socio-cultural space of the empire. Russian attempts

to gradually introduce Russian culture and way of life into a foreign environment were supposed to support the interaction between the Muslim population of Siberia and Russian immigrants. The education system was one of the instruments of the acculturation policy towards the Muslim peoples of Siberia. Attempts to introduce Russian culture were also made through influencing the economic life of Muslim communities. The ongoing reforms caused a lot of discontent on the part of the Muslim population. Also failing were the policies of the Russian Orthodox Church to make Muslims change their identity; its measures to support the newly baptized did not contribute to a mass conversion to Orthodoxy.

Keywords: Islam, orientalism, foreigners, the system of N.I. Ilmsensky, confessional school

Acknowledgements and Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-59-44004) and the Foundation of the President of the Russian Federation for the support of a leading scientific school (project No. NSh-63.2022.2).

For citation: Dashkovskiy, Petr K. and Shershneva, Elena A. “Acculturation Policies Targeting Siberia’s Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (February 2022): 34–44. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-34-44>

Введение

С 60-х гг. XIX в. в Российской империи начинается процесс реформирования социальных, экономических и политических институтов, который продлится до революционных потрясений 1917 г. Расширение границ Российской империи на востоке страны, русско-турецкая война (1877–1878 гг.), а также конфликты на территории Северного Кавказа вызвали особый интерес со стороны правительства к мусульманским народам, проживающим в стране¹. Со второй половины XIX в. и до прекращения существования Российской империи, у государственной власти стояла задача интеграции мусульманских народов в социокультурное пространство российского общества.

В дореволюционной историографии преимущественно доминировало консервативно-охранительное направление, которое зависело от политической конъюнктуры и идеологических пристрастий исследователя. Особое внимание отводилось «цивилизационной» роли православной культуры². В советской историографии появилось диаметрально противоположное представление на этнокультурную, а вместе с тем на этноконфессиональную политику имперской власти в отношении мусульманских народов³.

С начала 90-х гг. XX в. в отечественной историографии наметились новые тенденции переосмысления имперской истории и политики Российского государства. В работах современных исследователей начал преобладать междисциплинарный подход в анализе широкого круга источников. При этом учеными был поднят вопрос об аккультурационной политике Российской империи в отношении мусульманских народов. Несмотря на то, что сложились разные подходы относительно самого термина «аккультурация» важно отметить появление работ, посвященных анализу положения мусульманских народов в разных регионах Российской империи через призму политики аккультурации⁴. Аккультурация становится основным

¹ Джераси Р.П. *Око на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России*. М., 2013. С. 23–24.

² Балкашин Н.Н. *О киргизах и вообще о подданных России мусульманах*. СПб., 1887; *Алекторов А.Е. Инородцы в России*. СПб., 1906.

³ Климович Л. *Ислам в царской России*. М., 1936; *Дарженев С. Политика царского правительства в отношении ислама в конце XIX – начале XX в.* // *Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского университета*. Сер.: История. Фрунзе, 1964; *Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в.* Новосибирск, 1978.

⁴ Арсланов Р.А., Климашин А.Л. *Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии* // *Вестник Российского университета*

механизмом контроля «инородческого» населения страны, с помощью которого, появляется возможность включения его в культурно-религиозное пространство страны. Аккультурация не предусматривала культурной унификации, а предполагала адаптацию к жизни в чужой культуре, сохраняя при этом личную и культурную идентичность⁵.

Целью исследования является выявление и осмысление результатов процесса «аккультурации» мусульманского населения Сибири. Для достижения поставленной цели авторы обращаются к анализу социально-экономической и культурной жизни мусульманского населения указанного региона, реконструируется механизм «аккультурации» в отношении мусульманского населения, проживавшего во второй половине XIX – начале XX в. в пределах Томской, Тобольской и Енисейской губерний Сибири.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, представленные в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Красноярского края, Государственного архива Томской области, а также Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан.

При подготовке статьи использовались проблемно-хронлогический и историко-генетический методы, позволившие проанализировать и оценить роль политики аккультурации в отношении мусульманских народов Сибири.

Образовательная политика имперской власти в отношении мусульманских народов сибирских окраин

Вхождение в состав Российской империи большого количества различных этнических групп потребовало от органов власти решения одного из важнейших вопросов – просвещения подданных государства. Изначально просвещение рассматривалось как миссионерская задача, а приобщение к христианской культуре являлось маркером благонадежности инородческого населения⁶. Однако следует отметить, что мусульманские народы, вошедшие в состав Российского государства, имели собственную сложившуюся веками систему школьного образования. Мусульманская школьная система полностью находилась в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания и контролировалась духовенством. Во второй половине XIX в. особое внимание со стороны правительства начинает уделяться «мусульманскому вопросу», так как в мусульманской среде наметился процесс перехода ранее крещеных инородцев в ислам. Решение данной проблемы правительство видело в создании единого образовательного пространства⁷. Со второй половины XIX в. государство начинает предпринимать меры по расширению системы школьного образования для

дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 3. С. 347–363; *Брежнева С.Н.* Отражение идей аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. № 3. С. 608–638; *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018; Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2019. С. 12–13.

⁵ *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации... С. 13; *Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н.* Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. № 4. С. 795.

⁶ Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2019. С. 265.

⁷ *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации... С. 116.

«инородцев». Законодательное закрепление данные меры получили 14 июля 1864 г. после принятия «Положения о начальных народных училищах». Согласно принятому документу, одной из задач было распространение русской грамотности и отказ от местных наречий⁸. Обучение инородцев русскому языку, а затем и приобщение через систему школьного образования к русской культуре, должно было привести к включению их в социокультурное пространство империи.

С целью проведения данных мер в 1866 г. создается Особый комитет по инородческому образованию при управлении Казанского учебного округа, который возглавил Н.И. Ильминский. Под его руководством были разработаны правила обучения инородцев. Особе внимание уделялось учителям данных школ, которые должны были владеть знаниями инородческого языка⁹. По мнению Н.И. Ильминского, привлечение учителей из среды инородцев могло способствовать изменению религиозных представлений, а в дальнейшем и соединению инородцев в духовном союзе с русским народом в общем государстве¹⁰.

Таким образом, следует отметить, что политика, проводимая в государстве в отношении реформирования мусульманского школьного образования, не предполагала единовременного полного искоренения религиозной культуры законодательными нормами. Данный факт подтверждается, например, тем, что в 1868 г. попечитель Казанского учебного округа по просьбе муфтия направил обращение управляющему Министерством народного просвещения¹¹. Однако следует отметить, что уже в 1870-е гг. имперские органы власти переходят к более активным действиям по установлению контроля за инородческими учебными заведениями. В рамках принятого в 1870 г. нормативного акта законодательно закреплялось создание русско-инородческих школ с обязательным преподаванием русского языка¹². В дальнейшем данные меры были направлены на подчинение всей системы школьного образования Министерству народного просвещения с целью ограничения влияния мусульманского духовенства на эту сферу¹³. В 1874 г. было принято «Положение о начальных народных училищах», по которому все мусульманские школы переходят в ведение Министерства народного просвещения¹⁴. Принятое положение полностью подчиняло всю систему школьного образования правительству и Русской православной церкви. Именно епархиальные архиереи должны были следить за нравственным воспитанием подрастающего поколения. Кроме того, представитель епархиального ведомства включался в Училищный совет¹⁵.

⁸ Имперская политика аккультурации... С. 285; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1867. Т. 8. С. 613–618.

⁹ Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия... С. 804.

¹⁰ Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 105.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 162. Д. 577. Л. 1–1 об.

¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. 45. С. 314.

¹³ Любичанковский С.В. Политика аккультурации... С. 117; Верняев И.И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 159.

¹⁴ Махмутов З.А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (8). С. 115; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 49. С. 834–840.

¹⁵ Суворова Н.Г. Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации степного края (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (15). С. 265.

Несмотря на вмешательство государства в образовательный процесс мусульманских школ, содержание их полностью возлагалось на самих общинников¹⁶. Правительство предполагало выделение финансовых средств при условии открытия в мусульманских школах русских классов. Однако на практике это не реализовывалось, что подтверждает, например, отчет полицмейстера г. Петропавловска Акмолинской области за 1875 г.¹⁷ Вмешательство государственных органов в систему образования мусульманских общин и отказ от финансовой поддержки конфессиональных учебных заведений не способствовало их развитию. Согласно ведомости, поданной в Статистическую комиссию императорского вольного экономического общества, на 1 января 1894 г. в Енисейской губернии не числилось ни одной мусульманской школы¹⁸. При этом в указанной губернии, согласно Всероссийской переписи населения, мусульман проживало более 5 тыс. человек¹⁹.

Несмотря на вводимые правила, имперская власть стремилась найти некоторый баланс между созданием новой системы школьного образования для мусульманского населения и традиционной конфессиональной школой. Министром народного просвещения Н.П. Боголеповым было предложено организовать национальные школы с учетом преподавания в них родного языка и быта²⁰. В июне 1899 г. Министром народного просвещения было направлено письмо П.А. Столыпину о введении преподавания т.н. местных языков, т.е. языков коренных народов региона, в начальных инородческих школах. При рассмотрении данного вопроса было принято решение о введении в образовательную программу родного языка в первые два года обучения, а затем в рамках интересов государства образование полностью переводилось на русский язык²¹.

На совещании Министерства народного просвещения в 1905 г. было установлено, что правительство должно перейти к более активной политике в распространении русского языка в инородческих школах²². Однако данная проблема так и не получила своего решения, что отмечалось, в частности, на страницах российских газет того времени²³. И в дальнейшем правительство предпринимает меры по ограничению преподавания родного языка в школах, так как, по мнению министра народного просвещения Л.А. Кассо, преподавание родного языка не могло способствовать интересам государства²⁴.

К середине второго десятилетия XX в. усилился контроль за деятельностью мусульманских школ со стороны мусульманского населения, которые полностью контролировались со стороны государства. Данный факт подтверждается поданным прошением директору народных училищ Енисейской губернии от общины мусульман Канского уезда о разрешении им открыть частную школу для обучения своих детей²⁵. Вопрос просвещения всегда очень остро стоял в мусульманской

¹⁶ Махмутов З.А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. № 1 (8). С. 115.

¹⁷ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 505. Л. 17.

¹⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 390. Л. 17.

¹⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Троицкого. СПб., 1904. С. 50–51.

²⁰ Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 14.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 517. Л. 8–9.

²² Джераси Р.П. Око на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 196.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 517. Л. 59–59 об.

²⁴ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 82–84.

²⁵ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 595. Оп. 13. Д. 675. Л. 1–4 об.

умме, несмотря на то что все учебные заведения подчинялись Министерству народного просвещения, многие вопросы по-прежнему решались духовными органами и священнослужителями²⁶. Оренбургское магометанское духовное собрание, которое во многом проводило государственно-конфессиональную политику, по-прежнему активно включалось в вопросы организации образовательного процесса.

Организация жизни и хозяйственного уклада мусульманских общин Сибири

Во второй половине XIX в. территория Сибири становится центром переселенческой политики государства. Однако если Западная Сибирь стала основным регионом, где начинает преобладать переселенческий компонент, то Енисейская губерния практически не была затронута данными процессами. Лишь в начале XX в., когда был практически исчерпан земельный фонд в западносибирских губерниях, переселенческий поток направляется в Енисейскую губернию²⁷.

В 1895 г. императором Николаем II была высказана идея о поощрении переселенческой политики на территорию Сибири из европейской части страны. При этом предполагалось как раз, что переселенческие процессы затронут прежде всего русскоязычное население. Поэтому не случайно планировалось, что одним из направлений переселенческой политики должен был стать процесс включения инородческого населения региона в социокультурное пространство страны²⁸. Начавшиеся процессы переселения крестьян в Сибирь привели к сокращению земельных наделов у инородческого населения, а также подведению их под общекрестьянские правила²⁹.

Реформы, начатые во второй половине XIX в., имели цель формирования переселенческого земельного фонда, путем изъятия этих земель из пользования «инородцев» и последующей интеграции крестьянского населения в регионе. Земли аборигенного населения Сибири рассматривались правительством как принадлежащие казне и Кабинету Его Императорского Величества и находились лишь в бессрочном пользовании инородцев³⁰.

Проблема наделения инородцев землей и уравнивания их в правах с государственными крестьянами поднималась в 1907 г.³¹ В отстаивании своих прав на земли мусульманское население Сибири, как правило, ссылалось на грамоты, дарованные еще Екатериной II, хотя каких-либо официальных документов они не имели³².

Одной из главных задач правительства в пореформенный период стала унификация инородческого населения с крестьянами в правах и обязанностях, а также принципах организации управления. Еще в 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился в Министерство внутренних дел и государственных имуществ с предложением причислить к русским волостям оседлых аборигенов Томской и Тобольской губерний³³.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 6. Д. 4044. Л. 2, 7.

²⁷ Федорова В.И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX – XX веков: социально-демографическая динамика // Научный диалог. 2020. №11. С. 482, 486.

²⁸ Брежнева С.Н. Отражение идей аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. № 3. С. 619–620.

²⁹ РГИА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 2081. Л. 1, 4–5об.; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 586. Л. 120.

³⁰ Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2018. С. 138; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 3. Л. 116, 234–234 об.

³¹ Там же. Д. 4.

³² Там же. Д. 586. Л. 404–406.

³³ Дашковский П.К., Шершнёва Е.А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2020. С. 91.

Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в июне 1906 г. в Земский отдел была направлена бумага, в которой указывалось, что в 1884 г. всем губернаторам восточных окраин России был разослан секретный Циркуляр МВД, согласно которому должностные лица сельского и волостного управлений должны были назначаться из числа русских. Данная мера была направлена на недопущение к управлению фанатиков-мусульман, а также во избежание перехода крещенных татар в ислам. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, в свою очередь, обратился в Земский отдел с просьбой рассмотреть данный Циркуляр и установить, остается ли его соблюдение в дальнейшем актуальным³⁴. Ранее, в 1885 г., Департамент духовных дел иностранных исповеданий запрашивал у Земского отдела, как решается вопрос об установлении представительства христиан в инородческих общественных управлениях Сибири³⁵.

Следует отметить, что с целью контроля за аборигенным населением Сибири правительство наделяет достаточно широкими правами местные административные органы власти. Особое внимание было уделено деятельности именно крестьянских начальников, функции которых были существенно расширены и включали в себя полицейский надзор. Своей задачей имперская власть видела распространение русской культуры через утверждение на должности крестьянских начальников лиц, готовых проводить политику русификации среди аборигенного населения³⁶. Особое внимание начинает уделяться лицам, назначаемым на должности крестьянских начальников. Вопрос о назначении на должности лиц не православного вероисповедания не был однозначным. Светские и церковные власти имели на этот счет разные мнения³⁷.

Особое место в жизни мусульманских общин занимали волости, которые строились по национальному и конфессиональному признаку. Волостное устройство в начале XX в. начинает рассматриваться правительством как институт, сдерживающий консолидацию тюркских народов, а затем решающий задачу их ассимиляции с пришлым русским населением. Инородческие волости представляли собой административное, а не территориальное деление³⁸. Попытки реформирования волостного устройства поднимались неоднократно на протяжении всего XIX в. Однако присоединение татарских поселений к русским деревням вызывало недовольство со стороны мусульманского населения³⁹.

Административная реформа 1910 г. окончательно должна была изменить территориальное устройство инородческих волостей Сибири, заложив в их основу территориальный принцип. При этом в одну волость включались представители разных этнических групп⁴⁰. Изменение территориального устройства инородческих поселений касалось и организации их управления. В 1911 г. правительствующим Сенатом было затребовано от МВД и Главного управляющего землеустроительством и землепользованием заключение по жалобе инородцев на постановление Общего присутствия Тобольского губернского управления об организации у них общественного управления и суда по правилам Общего положения о крестьянах⁴¹.

³⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 10. Л. 1–10б.

³⁵ Там же. Оп. 66. Д. 55. Л. 1.

³⁶ Рагимова П.Ф. Национальная политика российского правительства в конце XIX – начале XX века // Вестник СамГУ. 2010. № 5. С. 100.

³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 55. Л. 18–19.

³⁸ Корусенко С.Н., Марганова Ф.Ф. Волость как инструмент сохранения идентичности группы... 2016. № 2. С. 197–198.

³⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 105. Л. 17–17 об.

⁴⁰ Корусенко С.Н., Марганова Ф.Ф. Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) // Вестник Омского университета. 2016. № 2. С. 198.

⁴¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 771.

Важно подчеркнуть, что на основании «Временного положения о крестьянских начальниках»⁴² мусульманское население Сибири оказалось в полной зависимости от общероссийского законодательства. Данное подчинение касалось в том числе и судебной системы инородческого населения, что привело к недовольству в инородческой среде и вызвало ряд обращений⁴³.

Организация жизни новокрещенных мусульман на территории Сибири

Особое место в процессе аккультурации мусульманского населения отводилось вопросам крещения инородцев. Начиная со второй половины XIX в. в Российской империи наметилась тенденция отпадения ранее принявших православие инородцев в ислам. Таким образом, особое место со стороны правительства в данный период начинает отводиться миссионерской деятельности Русской православной церкви, деятельность которой должна была стать еще более активной. В 1870 г. в Москве было учреждено Всероссийское православное миссионерское общество, отделения которого были открыты во всех сибирских епархиях. Правительство оказывало финансовую поддержку миссиям, т.к. эффективность миссионерской деятельности была связана с поддержкой новокрещенных со стороны государства и создания им благоприятных экономических условий⁴⁴. К началу XX в. на территории Сибири действовало восемь православных миссий, наиболее крупными из которых считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская⁴⁵.

В конце XIX в. Канцелярией Комитета министров была подготовлена записка о состоянии церковных дел в Сибири, в которой говорилось о необходимости укрепления в регионе позиций православия, а также русской культуры и гражданской идентичности. Все это должно было оказать существенное влияние на духовную жизнь в Сибири⁴⁶. Именно принятие православия рассматривалось властями как важный социокультурный процесс, который способствовал инкорпорации мусульманского населения страны в русскую культуру и повседневную жизнь⁴⁷.

Главным для миссионерства становится то, чтобы принятие православия не носило формального характера. В связи с этим усложняется процедура принятия православной веры, согласно которой, желающий принять крещение должен был обратиться к епархиальным властям за разрешением⁴⁸. В 1905 г. архиепископом Томским и Барнаульским были установлены правила крещения евреев и мусульман⁴⁹.

Несмотря на активную политику церковных властей по обращению в православную веру инородческого населения и поддержку данных мер со стороны государства, позиция и поведение новокрещенных не всегда свидетельствовали об искренности их намерений. Государство брало на себя задачу по организации жизни новокрещенного населения. К тому же принявшие православие исключались из

⁴² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1901. С. 403–416.

⁴³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д.14. Л. 1–5, 10; Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1989; РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 105. Л. 2–5.

⁴⁴ Суворова Н.Г. Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации степного края (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (15) С. 263.

⁴⁵ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. М., 2007. С. 219.

⁴⁶ Рендашкина А.Н. Стабилизация межконфессиональных отношений мусульман и христиан на примере татар и русских в Восточной Сибири // Вестник КемГУКИ. 2014. № 29 (1). С. 28–36.

⁴⁷ Дамешек Л.М. Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // Известия Иркутского государственного университета. 2021. Т. 36. С. 64, 65.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 693.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л. 20–21.

инородческой общины и получали ряд льгот, в том числе и налоговых⁵⁰. Данные меры приводили к недовольству со стороны инородческих общин, поскольку взывавшиеся с них подати и налоги оставались прежними⁵¹.

Организация быта и контроль за соблюдением религиозных догм и правил принявшими православие инородцами возлагался на волостных начальников⁵². Негативное восприятие новокрещенных бывшими единоверцами требовало вмешательства со стороны не только православной церкви, но и институтов государственной власти. Принявших православие мусульман, по возможности, старались селить среди русского православного населения.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование положения мусульманских общин Сибири через призму политики аккультурации Российской империи позволяет сделать следующие выводы. Главную задачу имперская власть видела в установлении стабильности и порядка в поликонфессиональном и полиэтничном государстве. Именно приобщение к русской культуре и православной вере должно было способствовать установлению контроля над инородческим населением империи. Российские власти во второй половине XIX – начале XX в. не ставили своей задачей полного искоренения исламской традиции среди сибирских инородцев. К тому же последователи мусульманской традиции занимали второе место по численности приверженцев в стране, что не позволяло их исключить из правового поля российского государства. Правительство видело своей целью приобщить мусульманское население к русской культуре, и только затем допускалось полное слияние с православной традицией инородческого населения Сибири.

Одним из наиболее важных инструментов по вовлечению представителей мусульманской традиции в русскую культуру становится создание школьного образования по системе Н.И. Ильминского. Именно функционирование русско-инородческих школ должно было искоренить в мусульманской среде интерес к собственной религиозной культуре. Однако непоследовательная политика имперской власти в области организации школьного образования приводила к нежеланию мусульманского населения Сибири обучать детей в школах, создаваемых государством. Обязательное изучение русского языка рассматривалось мусульманской общественностью как попытка искоренения национальной культуры и религии.

Следующим направлением, в рамках которого были сделаны попытки унификации инородческого и русского населения, стала аграрная реформа в Сибири. В рамках проводимых преобразований административно-территориальное устройство мусульманских общин должно было строиться по принципу русских волостей. Данные меры были направлены на погружение мусульман в русский уклад жизни, а также искоренение у них традиционной формы управления. Изъятие земли с целью формирования переселенческого фонда и уравнивание инородцев в правах с крестьянами вызывали недовольство среди мусульманского населения Сибири.

Важным проводником государственных идей в Сибири должна была стать Русская православная церковь. Задачей миссионеров было привлечение мусульманского населения Сибири к принятию православия путем грамотной миссионер-

⁵⁰ *Земцов Б.Н.* Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (3). С. 599–600; ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2870.

⁵¹ ГААК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 158. Л. 1–2об.

⁵² *Конец А.Ю.* Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 319.

ской политики и финансовой поддержки со стороны государства. Поддержка имперской власти в организации экономического и социального положения, а также быта новокрещенных, должна была способствовать увеличению числа принявших православие. Однако предпринятые меры не способствовали массовому переходу инородцев в православную культуру. Мусульманское население рассматривало все проводившиеся мероприятия как посягательство на их традиции и устои, что мешало успешной реализации политики распространения русского языка в инородческой (мусульманской) среде на территории Сибири.

Поступила в редакцию / Submitted: 17.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.12.2021

References

- Alektorov, A.E. *Inorodtsy v Rossii*. St. Petersburg: Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment in memory of Emperor Alexander III Publ., 1906 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Klimashin, A.L. “Russian Periodicals at the Turn of the 19th – 20th Centuries on Russian Migrants’ Sociocultural Adaptation in Central Asia.” *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–363 (in Russian).
- Balkashin, N.N. *O kirgizakh i voobshche o poddannyykh Rossii musul'manakh*. St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate Publ., 1887 (in Russian).
- Boguslavskii, M.V. “Reforms of Russian Education of the XIX–XX Centuries as a Global Project.” *Education Issues*, no. 3 (2006): 5–21 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “Reflection of Acculturation Idea in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 608–638 (in Russian).
- Dameshek, I.L., Dameshek, M.M., Zinov'ev, V.P., Remnev, A.V., Suvorova, N.G., Shakherov, V.P., and Shilovskii, M.V. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007 (in Russian).
- Dameshek, L.M. “Siberian Congresses of the Orthodox Clergy on the Ways of Imposing ‘Russianness’ Among the Indigenous Population.” *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History* 36 (2021): 62–70 (in Russian). <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.62>
- Dameshek, L.M. *Sibirskie 'inorodtsy' v imperskoi strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.)*. Irkutsk: Impression Publ., 2018 (in Russian).
- Darzhenov, S. “Politika tsarskogo pravitel'stva v otnoshenii islama v kontse XIX – nachale XX v.” In *Uchenye zapiski istoriko-yuridicheskogo fakul'teta Kirgizskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 165–172. Frunze: [S.n.], 1964 (in Russian).
- Dashkovskiy, P.K., and Shershneva, E.A. *Islam i imperiia: polozhenie musul'manskikh obshchin Zapadnoi Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).
- Dzherasi, R.P. *Oko na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013 (in Russian).
- Fedorova, V.I. “Rural Population of the Yenisei Province at the Turn of the XIX–XX Centuries: Socio-Demographic Dynamics.” *Nauchny dialog*, no. 11 (2020): 477–494 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-477-494>
- Garifullin, I.B. “K voprosu o khristianizatsii sibirskikh tatar.” In *Problemy istorii Kazani: sovremennyy vzglyad: sbornik statei*, 503–506. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2004 (in Russian).
- Klimovich, L. *Islam v tsarskoi Rossii*. Moscow: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo Publ., 1936 (in Russian).
- Konev, A.Yu. “Vliyaniye religioznogo faktora na pravovoi status sibirskikh aborigenov (XVIII–XIX vv.)” In *Narodonaseleniye Sibiri: strategii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX v.): sbornik statei*, 303–319. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Kopylov, A.N. *Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1978 (in Russian).

- Korusenko, S.N., and Marganova, F.F. “The Volost (District) as a Tool of Preserving the Identity of a Group (On the Example of Siberian Boukhartsy).” *Herald of Omsk University*, no. 2 (2016): 196–206 (in Russian).
- Liubichankovskii, S.V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniia islamskikh poddanykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt orenburgskogo kraia (seredina XIX – nachalo XX vv.)*. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU Publ., 2018 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A., and Efimenko, M.N. “The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to early 20th century).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (2020): 793–809 (in Russian).
- Lyubichankovsky, S.V. ed. *Imperskaia politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii): monografiia*. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU Publ., 2019 (in Russian).
- Makhmutov, Z.A. “The Spiritual and Educational Activities of the Tatars in the Kazakh Steppe in the Context of the Russian Empire’s Domestic Policy (Second Half of XVIII – the Beginning of XX Century).” *Samara Journal of Science* 6, no. 1 (2017): 113–117 (in Russian).
- Nam, I.V. “Tatarskie shkoly v dorevolutsionnom Tomske.” *My – tomichi, vashi zemlyaki, vashi sosedi (Natsional'no-kul'turnaya panorama Tomskoi oblasti)*, 73–86. Tomsk: TGU Publ., 2000 (in Russian).
- Poplavskaya, Kh.B. “Orthodox missionary activity in the Altai in the 1830–1860s: Certain Aspects of the Problem.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5 (1995): 99–109 (in Russian).
- Ragimova, P.F. “The National Policy of the Russian Government in the Late XIX – Early XX Centuries.” *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istorii, Pedagogika, Filologiya = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, no. 5 (2010): 92–110 (in Russian).
- Rendashkina, A.N. “Stabilization of Interfaith Relations Between the Muslims and Christians as Relations Between the Tatars and Russians in Eastern Siberia.” *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 29 (2014): 28–36 (in Russian).
- Shershneva, E.A. “The relationship of Muslims with the Russian Orthodox Church in the 19th century in Altai.” *Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect*, no. 4 (2010): 264–273 (in Russian).
- Suvorova, N.G. “Spiritual and Secular Education of Muslim Nomads and the Newly-Baptised in the Context of the Colonization of the Steppe Region (Late XIX – Early XX Century).” *Herald of Omsk University*, no. 3 (2017): 262–270 (in Russian).
- Verniaev, I.I. *Ocherki istorii etnokonfessional'noi politiki v Rossii*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House Publ., 2017 (in Russian).
- Zemtsov, B.N. “Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries.” *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 21 (2019): 595–605 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-595-605>

Информация об авторах / Information about the authors

П.К. Дашковский, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, 656049, Россия, Барнаул, ул. Димитрова, 66; dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

P.K. Dashkovskiy, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory for Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, 656049, Russia, Barnaul, Dimitrova St., 66; dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Е.А. Шершнева, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66; D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

E.A. Shershneva, PhD in History, Associate Professor, the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, 656049, Russia, Barnaul, Dimitrova St., 66; D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>